

ДОМ НЕСУЩИХ

ПЕРВЫЙ КОНТУР

ТАТЬЯНА МИНИЯРОВА

Татьяна Миниярова

Дом несущих. Первый контур

«Автор»

2026

Миниярова Т. Д.

Дом несущих. Первый контур / Т. Д. Миниярова — «Автор»,
2026

Одиннадцать лет назад Рина сказала дому:— Держу.Её согласие было временным — до установки опор. Опоры поставили. Нагрузку с неё не сняли.Теперь до поезда в Лассу меньше часа. Но над дверью снова ползёт трещина, под кожей Риной проступают серые линии, а в глухой стене открывается комната, которой не может быть. На одной из полок — её имя.Старые акты показывают: все эти годы на Рину записывали новые части дома. А потом — ещё и чужой адрес. Ни под одним решением нет её подписи.Она может снова удержать всё.Но если Рина скажет «нет», вес не исчезнет.Упадёт что-то другое...

© Миниярова Т. Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	31

Татьяна Миниярова

Дом несущих. Первый контур

Глава 1

Дом предупредил Рину в тот момент, когда она застёгивала чемодан.

Сначала тихо. Даже прилично. Где-то в стене щёлкнуло, будто ночью остывала труба. Рина замерла, ладонью прижала выпирающую крышку и подождала.

Ничего.

Она выдохнула и дотянула молнию до угла. Чемодан закрылся с третьей попытки. Без одной из двух кофт молния сошлась бы сразу. Но мёрзнуть утром на вокзале и думать, что оставила не ту, Рина не собиралась. Хватит с неё решений на сегодня.

На кровати остались паспорт, деньги в старом конверте и билет на поезд до Лассы — отправление в пять сорок. Билет она купила три дня назад и всё это время прятала под жестяной банкой с чаем.

Глупость, конечно. Дом не умел открывать шкафы.

Но иногда знал о людях вещи, которые они ещё не успели сказать вслух.

Тонкий шов над дверью замазывали в мае. Потом в июле. Он возвращался, но до этой ночи оставался светлым и тихим.

Рина сунула паспорт в боковой карман чемодана, деньги разделила пополам — часть туда же, часть в куртку — и ещё раз проверила время. До выхода оставалось семнадцать минут.

Она всё рассчитала. В четыре сорок пять уйдёт. В четыре пятьдесят две сядет в первый утренний трамвай. Мама проснётся около шести и найдёт на столе хлеб, нарезанный сыр и записку о том, где лежат отцовские таблетки. Тав, её младший брат, вряд ли хватится раньше полудня. Сначала разозлится, потом увидит деньги за коммунальный счёт в синем конверте и разозлится ещё сильнее. Но к тому времени Рина уже будет за городской чертой.

Она даже сбегала так, чтобы утром всем было удобно.

На стуле лежала куртка. Рина надела её, взяла билет и на секунду сжала его в пальцах. Ласса. Четыре часа двадцать минут. Место у окна.

Это была не мечта всей жизни и не спасение. Просто город, в котором ей предложили работу и комнату над мастерской. Город, где никто не знал, что Рина слышит стены раньше других.

Комната была маленькая, зато ключ был только один. Именно это ей особенно понравилось. Смешная причина менять город, но случались и хуже.

Этого было достаточно.

Она убрала билет в карман.

Старый шов над дверью налился чёрным.

Рина увидела это не сразу. Сначала на плечо посыпалась пыль. Она подняла голову и несколько секунд смотрела, как линия медленно вытягивается по потолку — тоныше волоса и не длиннее ладони.

— Нет, — сказала Рина.

Трещина остановилась.

Дом будто прислушался.

Рина не двигалась. Под курткой сразу стало жарко. Она расстегнула куртку у горла, тут же застегнула и зачем-то посмотрела на чемодан, словно тот мог подсказать, считать ли происходящее причиной остаться.

Нет. Не считать.

Трещины бывали. Старый дом проседал весной, дышал стенами в жару и умел напугать жильцов обычной лопнувшей штукатуркой не хуже любого живого. Надо было позвать мастера. Утром. После того как она уедет.

Рина сняла чемодан с кровати и поставила у двери.

Линия над косяком выросла ещё на палец.

Снизу хлопнула дверца шкафа.

— Рина? — сонно позвала мама. — Ты не спишь?

Она быстро набросила на чемодан плед.

— Воду пила.

— У тебя свет горит.

— Уже выключаю.

Мама постояла внизу, будто решала, подняться или поверить. Потом половицы зазвонили в сторону кухни.

Рина дождалась, пока стихнут шаги, и посмотрела на билет, который теперь чуть выпирал из кармана.

Дом не просил её остаться. Он вообще ничего не просил словами. Просто треснул именно сейчас.

Очень удобно.

Она подошла к выключателю.

С кухни донёсся короткий звон. Потом — удар, слишком тяжёлый для упавшей чашки. Что-то внутри стены ответило ей снизу.

Рина уже бежала.

Мама стояла у стола босиком, в длинной домашней рубашке. У её ног белели осколки чашки. На плите грелся маленький ковшик, хотя чайник был совсем рядом. Воду она всегда грела в ковшике, когда не могла уснуть. Говорила, что так быстрее. Это было неправдой, но спорить с ней в четыре утра не имело смысла.

Рина посмотрела не на чашку.

Над мойкой тянулась чёрная трещина. Она шла от угла окна к газовой трубе и едва заметно шевелилась, будто под штукатуркой протягивали нитку.

— Мам, отойди от стены.

— Я и так далеко.

— В коридор. Сейчас.

— Рина, не начинай. Утром вызовем мастера.

Ну конечно. Утром.

Рина шагнула через осколки и выключила конфорку. Потом перекрыла газ на трубе. Рычаг не поддавался; пришлось навалиться на него обеими руками. Металл коротко пискнул, и стена тут же отозвалась низким гулом.

— Обуйся, — сказала она. — И разбуди Тава.

Мама посмотрела сначала на её куртку, потом на часы над холодильником — и снова на Рину. Воду в таком виде не пили.

Но ничего не спросила.

— Сначала отца, — сказала она. — Он опять закрыл дверь.

— Я сама.

Фраза вышла раньше, чем Рина успела выбрать другую.

Она выдвинула два нижних ящика, освободила пол под окном и потянула на себя высокий шкаф с посудой. Тот качнулся слишком легко. Одна из задних ножек провалилась в рассохшуюся половицу.

— Дай стул.

Мама подала старый кухонный стул. Рина уложила его боком между шкафом и столом, проверила, выдержит ли спинка, потом сдёрнула с крючка плотный передник и обмотала ручки дверец. Если шкаф поведёт, тарелки хотя бы не вылетят сразу.

— Теперь в коридор.

— А ты?

— Я посмотрю трубу и выйду.

Пока что она не врала.

Мама шагнула в тапки среди мелких осколков и пошла будить остальных. Рина услышала стук в дверь отца: один раз, второй. Потом Тав что-то недовольно крикнул со второго этажа. Обычный дом, обычная ночь. Все живы. Газ перекрыт. Опасная часть кухни освобождена.

Можно было выйти.

Рина подошла к окну. Рама была закрыта, стекло цело. Под мойкой — сухо. Газом не пахло. Она достала из ящика моток красной ленты и натянула её поперёк дверного проёма. Получилось криво. Перед уходом Рина зачем-то поправила узел.

В кармане хрустнул билет.

Она вспомнила о трамвае.

До выхода оставалось девять минут.

В стене ударило второй раз.

Не громче первого. Но звук пришёл не с кухни. Он прошёл через пол, поднялся по ногам и остановился где-то под рёбрами. Рина схватилась за край стола.

Чёрная линия резко раздвоилась. Один конец пополз к газовой трубе, другой — вверх, туда, где над кухней была комната родителей.

На лестнице появился Тав, растрёпанный, в футболке и одном носке.

— Что за чертовщина?

— Не заходи. Телефон на тумбе. Позвони в Службу. Скажи: газовая стена, второй удар.

— Я вижу.

— Тогда набирай.

Тав схватил телефон и остался за красной лентой. Мама уже вывела отца в коридор. Отец держался за стену и смотрел на трещину так, будто узнавал её.

— Рина, — сказал он.

Только имя. Негромко.

Этого оказалось достаточно.

Она знала этот звук в стене. Не сам удар — то, что приходило после. Гул шёл ко всем, кто мог слышать. Дом ждал первого ответа. Одиннадцать лет назад он так же гудел под лестницей. Тогда Рина была слишком мала, чтобы понимать договоры, но уже достаточно взрослая, чтобы увидеть отца на полу.

Сейчас он стоял. Мама была рядом. Тав впервые не спорил.

Все смотрели на неё.

Никто ничего не требовал и не просил. Может быть, они даже хотели попросить её уйти. Но всё равно смотрели на неё: Рина знала, что делать.

Под штукатуркой что-то сдвинулось. Шкаф скрипнул и навалился на стул. Спинка выдержала, но одна ножка треснула.

— Выйдите во двор, — сказала Рина.

— Все вместе, — ответила мама.

— Мира, идём, — неожиданно сказал отец.

Тав всё ещё стоял на лестнице с телефоном у уха.

— А она?

— Тав, выведи их.

— Я спросил, а ты?

Рина посмотрела на стену. Линия уже дошла до трубы, но газ был перекрыт. В шкафу звенела посуда. Подпорка держала. Мама, отец и Тав стояли за красной лентой.

Надо было выйти вслед за ними.

— Две минуты, — сказала она. — Я проверю шов.

Тав выругался.

— Ты всегда только проверишь.

Мама взяла его за локоть. На секунду их взгляды встретились — и вместо привычного ожидания Рина увидела страх. Мама хотела что-то сказать. Не успела.

Дом позвал.

По-настоящему.

Гул оборвался, и наступила тишина, в которой Рина услышала сразу всё: как отец тяжело дышит в коридоре, как Тав переминается на холодном полу, как за стеной у соседей плачет ребёнок, как по старым балкам идёт нагрузка — дальше кухни, дальше их комнат, куда-то через весь дом.

Она могла выйти. Но не знала, остановится ли трещина на их стене.

Не знала, выдержит ли подпорка.

Не знала, сколько у них есть времени.

— Во двор, — повторила Рина. — Сейчас.

Тав ещё секунду смотрел на неё, потом повёл родителей к выходу.

Рина дождалась, пока хлопнет входная дверь.

За дверью Тав несколько раз повторил диспетчеру адрес. Значит, в Службе его услышали.

Только после этого Рина повернулась к стене.

Стена была холодной — не просто холоднее комнаты. От неё тянуло чужим, глубинным холодом, как от камня со дна воды. Рина положила на неё ладонь рядом с трещиной.

Дом сразу узнал её.

Серые линии проступили под кожей, от запястья к пальцам. Сначала знакомое покалывание. Потом тяжесть.

Не боль. Боль хотя бы принадлежала ей.

В ладонь вошёл вес незаконченного: бумаги из мастерской, которые мама месяцами перекладывала, пока сырела задняя стена; отцовская дверь, за которой второй месяц никто не мог проверить шов; письмо Таву из морского квартала, так и оставшееся без ответа.

И ещё что-то большее. Чужие шаги. Соседские стены. Натяжение, уходившее по балкам за пределы дома.

Слишком много.

Рина отёрнула руку, но трещина уже держала её тонкой серой нитью под кожей.

Связь ещё можно было оборвать. Рука уже дёрнулась.

Нужно было понять, что именно пошло по дому. Дождаться Службы и опорщиков. Разделить нагрузку.

Вместо этого Рина подумала о маме на улице в одной рубашке. Об отце, который опять смотрел на неё так, словно прошлое вернулось за долгом. О Таве в одном носке. О ребёнке за стеной.

О поезде в пять сорок, который уйдёт независимо от того, успеет она или нет.

— Возьми не всё, — сказала Рина.

Дом не ответил.

Трещина рванулась к потолку.

Шкаф сорвался с подпорки.

Рина успела подхватить его плечом. Посуда обрушилась на связанные дверцы, стул отлетел к столу. Что-то тяжёлое ударило её по спине. Она не отпустила стену.

— Слышишь? Только кухню.

Под пальцами дрогнула штукатурка.

Труба. Шкаф. Одна балка до приезда опорщиков. За дверью Тав торопливо отвечал диспетчеру. Этого могло хватить. Всё остальное осталось бы дому и людям, которые уже проснулись от его гула.

Но в коридоре за дверью кто-то закричал.

Крик длился секунду. Этой секунды хватило, чтобы Рина перестала считать.

Рина прижала ладонь сильнее.

— Ладно, — выдохнула она. — Держу.

Дом вошёл в неё целиком.

Пол ушёл из-под ног. На несколько секунд кухня стала огромной: Рина чувствовала каждую балку, каждый расшатанный шов, каждый тяжёлый шкаф, который жильцы годами ставили туда, где было удобно, а не туда, где выдержит перекрытие. Всё тянуло в разные стороны.

Рина упёрлась коленом в пол и держала.

Где-то лопнуло стекло. В стене завыл воздух. Серые линии поднялись выше запястья.

Потом дом выдохнул.

Трещина остановилась у потолка.

Шкаф перестал давить на плечо.

Посуда внутри ещё немного позвенела и замолчала.

Рина сползла на пол. Ладонь осталась прижатой к стене, хотя связь уже отпустила её. Под ногтями была серая пыль. Во рту — вкус железа.

Мама кричала с улицы. Входную дверь заклинило; кто-то дёргал её снаружи.

— Всё нормально, — хотела ответить Рина.

Получился только кашель.

Она посидела немного, прислушиваясь. Дом стоял. Плохо, ненадёжно — но стоял.

Этого всем пока хватит.

Рина ухватила за стол и поднялась. На кухне стало светлее — за окном серело утро. До поезда оставалось меньше часа.

Поезд.

Она машинально полезла в карман и достала билет.

Ласса.

Пять сорок.

Место у окна.

Рина прочитала всё дважды.

Она знала о Лассе многое. Другой город, четыре часа пути. Морские мастерские, широкая набережная и дождь, который мог идти по три дня. Она даже знала, где находится вокзал и с какой платформы обычно отправлялся утренний поезд.

Только не понимала, зачем ей туда.

Рина перевернула билет. На обратной стороне было написано её почерком: «Не передумывай утром».

Она долго смотрела на эти слова.

Кто-то написал их её рукой. Кто-то купил билет, собрал чемодан, спрятал деньги в старый конверт и разложил лекарства отца по дням. Всё было сделано аккуратно. Даже слишком.

Но внутри не осталось ничего, что связывало бы её с этим поездом.

Внутри не было ни страха, ни радости, ни сожаления.

Только чужой маршрут в её кармане.

Во входную дверь снова ударили. Три коротких раза.

— Рина! — крикнула мама с улицы.

— Сейчас.

Голос прозвучал нормально. Значит, можно было не объяснять.

Она прошла в коридор. Дверь просела на петлях; пришлось навалиться плечом. Снаружи голоса наложились друг на друга: мама спросила про руку, Тав — про газ. Отец ничего не спросил, только смотрел на серые линии под её кожей.

Рина открыла дверь ровно настолько, чтобы они смогли войти по одному.

На крыльце стоял ещё один человек.

Высокий мужчина в мокром тёмном пальто. Волосы прилипли ко лбу, на щеке темнела полоса дорожной грязи. Он тяжело дышал, будто последние кварталы бежал. В одной руке держал сложенный зонт, в другой — бумагу.

Увидев Рину, он не улыбнулся.

Сначала посмотрел на её ладонь. Потом на дом за спиной.

— Я опоздал, — сказал он.

В голосе была злость. Не на неё — или не только на неё.

Рина ждала продолжения.

Мужчина перевёл взгляд на её лицо. Злость исчезла так быстро, что стало страшнее.

— Ты меня узнаёшь?

Рина посмотрела внимательнее.

Ивар. Она знала его имя, голос и тонкий шрам у левой брови. Помнила, что он чинил заднюю дверь мастерской и однажды прождал её у Службы почти три часа, потому что она сказала: «Я только закончу».

Факты были на месте.

— Узнаю.

Он не выдохнул.

— Но ты не понимаешь, зачем я здесь.

Рина посмотрела на мать, на Тава. Никто из них не отвёл глаз, но и не помог.

— Нет.

Ивар протянул ей бумагу.

Это был второй билет до Лассы. Тот же поезд. Соседнее место.

— Ты не вышла в четыре сорок пять, — сказал он. — Потом дом загудел на весь квартал.

— Мы собирались ехать вместе?

— Я пришёл за тобой. Ты сама попросила.

— Зачем?

Ивар посмотрел на прикрытый пледом чемодан. Из коридора его теперь было прекрасно видно.

— Потому что знала: если никто не придёт, ты опять найдёшь что-нибудь, что без тебя не выдержит.

Глава 2

До поезда оставалось сорок две минуты, когда Тав сообщил, что опорщики приедут не раньше восьми.

Он сказал это так, будто лично назначил им время и теперь заранее был виноват.

— В соседнем квартале ещё два вызова, — добавил он. — Один с просадкой перекрытия. Диспетчер сказал, наш дом стоит, значит, сначала туда.

Входная дверь держалась открытой только потому, что Тав подложил под неё отколовшийся кусок ступени.

Стоит.

Снаружи это, наверное, действительно выглядело именно так.

— Перезвонят за двадцать минут. Велели не подниматься наверх и не трогать газовую стену. Если поведёт вход — убрать всё от порога и снова звонить.

— Хороший совет, — ответила Рина.

Мама уже вошла.

Она успела пройти половину коридора и теперь тянулась к вешалке за отцовским пальто. В тапках на босу ногу она осторожно обходила серую пыль. Дом под ней тихо потрескивал, без угрозы, почти по-бытовому. Именно так он обычно и добивался, чтобы ему поверили.

— Мам.

Мама замерла.

— Орен замёрз.

Отец сидел во дворе на перевёрнутом ящике, завернутый в соседское одеяло. Пальто висело в трёх шагах от матери.

— Тав принесёт, — сказала Рина.

— Тав разговаривает со Службой.

— Уже не разговаривает.

— Я могу взять собственное пальто.

В другое утро спор закончился бы тем, что Рина сама достала пальто, таблетки, носки и заодно проверила окно.

Сегодня за спиной матери по стене шли две незакрытые трещины.

— Выйди, — сказала Рина.

Мама посмотрела на неё и кивнула без обиды. От этого Рине стало только хуже.

— Хорошо.

Она развернулась и пошла обратно.

Тав дождался, пока мать переступит порог, сунул телефон в карман и полез в дом.

— Куда?

— За пальто.

— Ты в одном носке.

— Теперь это почему-то главная проблема?

— Нет. Поэтому возьми лом у сарая и сначала освободи дверь. Если её поведёт ещё на палец, мы никого отсюда быстро не вытащим.

Тав открыл рот, закрыл и пошёл к сараю.

Рина только после этого заметила два билета: один был у Ивара, второй остался в её руке. Его и её.

Он стоял у края крыльца, мокрый, грязный и слишком чужой для человека, с которым она собиралась через сорок две минуты уехать в другой город. Его зонт лежал на земле. Вода стекала с края пальто на носки ботинок.

— Убери их, — сказала Рина и протянула ему свой.

Ивар посмотрел на билеты.

— Куда?

— Неважно. Просто не держи передо мной.

Он сложил бумаги вчетверо.

— Не надо!

Ивар остановился.

Голос вышел резче, чем она хотела. Билеты были уже бесполезны. Даже если бежать прямо сейчас, до трамвая они не успеют. А она не собиралась бежать. Она вообще ничего не собиралась.

Но видеть, как аккуратная надпись «Ласса» ломается пополам, оказалось невыносимо.

— Не порти, — сказала она тише.

Ивар расправил бумаги и убрал во внутренний карман.

— Ты помнишь, что купила билет?

— Помню.

— Что мы должны были встретиться у калитки?

— Нет.

— Что ты сама попросила меня поехать?

— Я помню, как ты три часа ждал меня у Службы. Помню, что ты терпеть не можешь сладкий чай и всегда врешь, что тебе всё равно. Помню шрам у тебя над бровью. Этого достаточно, чтобы узнать тебя. Недостаточно, чтобы сесть с тобой в поезд.

Он принял это без спора. Или просто не нашёл безопасного спора.

— У меня есть твоя тетрадь, — сказал он.

— Потом.

— Там даты. Записи. Твой почерк.

— Ивар.

Он замолчал.

Серые линии под кожей уже не доходили до локтя, но и не исчезли. При каждом тихом щелчке в доме одна из них темнела, будто кто-то проводил по вене тупой стороной иглы.

— Я не буду решать, ехать ли с тобой, пока не понимаю, почему хотела этого вчера. И не останусь только потому, что сейчас не могу вспомнить причину уйти.

— А что ты будешь делать?

Из дома донёсся скрежет: Тав всё-таки вернулся к двери без лома.

— Следующие три часа, — сказала Рина. — Остальное пока не моё решение.

Она шагнула к порогу.

Ивар преградил ей путь рукой.

— Ты только что взяла весь дом.

— К стене я не прикоснусь.

— Рина.

— Мне нужно увидеть лестницу.

— Опорщики велели не лезть дальше первого этажа.

— Лестница начинается на первом.

— Смотрим от порога, — сказал Ивар. — Если вход поведёт ещё хоть на палец — выходим.

Ивар не убрал руку.

Внутри что-то коротко стукнуло.

Из дома отозвался Тав:

— Всё нормально.

— Видишь? — спросила Рина.

Ивар выругался и первым вошёл в дом.

• • •

Кухня выглядела хуже, чем помнила Рина, и лучше, чем могла ожидать.

Шкаф стоял под углом, удерживаемый связанными ручками и краем стола. Несколько тарелок всё-таки выбило наружу; осколки лежали в распахнутом нижнем ящике. Красная лента провисла почти до пола. Трещина над мойкой остановилась, не доходя ладони до потолка, но от неё ушли две тонкие ветви: одна к лестнице, вторая — в коридор.

Рина не стала подходить к стене.

Она присела у порога и положила два пальца на половицу.

Дерево дрожало.

Не дом. Пока только дерево.

— Все тяжёлые вещи вынести, — сказала она. — Шкаф не двигать, пока не разгрузим. Газ закрыт, но трубу не трогать. Отец до осмотра вверх не вернётся.

— А мать? — спросил Тав.

— Никто не вернётся.

— Ты вернулась.

— Поэтому вижу, почему нельзя.

Тав стоял возле двери уже в двух носках. Второй был отцовский, серый и на размер больше. Видимо, пальто он всё-таки принёс, а заодно решил проблему, которая ещё недавно не была главной.

— И что делать мне?

Рина указала на пустые ящики у стены.

— Отнеси их во двор. Потом принеси короткие доски из мастерской. Не длинные. Длинные придётся разворачивать на лестнице.

— Я знаю, как носить доски.

— Тогда особенно обидно будет, если ты убьёшь нас одной.

Тав фыркнул. Впервые за утро звук был похож на него самого.

Ивар стоял под лестницей и рассматривал старую железную полосу, уходившую из стены в нижнюю ступень. Металл был покрашен столько раз, что стал частью дома. На краю свежо блестела узкая царапина.

— Это тянет пролёт, — сказал он.

Рина посмотрела туда, куда он указывал.

— Возможно.

— Не «возможно». Смотри на кромку. Ступень просела, полоса осталась в стене и теперь выворачивает крепление. Если снять напряжение здесь, лестница перестанет тянуть кухню.

Он говорил уверенно. Не как мужчина с двумя билетами. Как бывший сотрудник Службы, который много раз видел похожие дома и привык, что похожего обычно достаточно.

— Сначала разгрузим шкаф, — сказала Рина.

— Он не связан с лестницей.

— Зато связан с полом, на котором мы стоим.

Ивар провёл пальцем вдоль полосы.

— Нам не нужны три часа. Нужен молоток и клин.

— Нет.

— Рина, я знаю такие перевязи.

— А я знаю этот дом.

Фраза прозвучала слишком знакомо: так начиналось почти всё, что потом оказывалось её обязанностью.

Ивар тоже это услышал.

— Хорошо, — сказал он. — Проверим, а не снимем.

Тав принёс из мастерской две доски, молоток и узкий стальной клин.

— Я сказал короткие доски.

— Эти короткие.

Одна была выше Тава.

— В нашей семье, видимо, всё измеряется относительно дома.

— Вы закончили? — спросил Ивар.

Он опустился возле железной полосы и вставил клин между металлом и ступенью.

— На толщину ногтя, — сказал он. — Если нагрузка уйдёт, услышим сразу.

Рина посмотрела на клин. Толщина ногтя, без снятия крепления. Пока только проверка.

— Тав, выйди за порог.

— А вы?

— Ты держишь дверь снаружи. Если её поведёт, не лезешь. Зовёшь людей.

— Очень полезная работа.

— Наконец-то тебе досталась.

Тав вышел. Ивар дождался кивка Рины и одним негромким ударом загнал клин на несколько миллиметров.

Лестница вздохнула.

Не закрипела — именно вздохнула, глубоко и устало. Нижняя ступень опустилась. Совсем немного. Зато трещина над мойкой сразу вытянулась к потолку.

Рина увидела движение раньше, чем услышала.

— Назад.

Ивар уже вытаскивал клин.

Металл лёг на место. Трещина остановилась, оставив на потолке новый чёрный след.

Несколько секунд они оба молчали.

— Не полоса тянет кухню, — сказал Ивар.

Он не стал оправдываться и рассказывать, почему в других домах это срабатывало. Назвал ответ и замолчал.

Рина провела языком по зубам. Во рту снова появился железный вкус, хотя к стене она не прикасалась.

— Полоса держит не кухню, — сказала Рина.

— Что тогда?

— Не знаю.

Ивар посмотрел на неё.

Вчерашняя Рина, возможно, доверяла ему достаточно, чтобы ехать рядом четыре часа двадцать минут. Сегодняшней понравилось, что он не стал превращать её «не знаю» в паузу перед своим ответом.

Этого всё равно было недостаточно для поезда.

Но для молотка — уже почти.

Поезд ушёл, пока они разгружали шкаф. Ивар перестал смотреть на часы.

• • •

К семи часам двор перестал быть двором.

Соседка из нижней квартиры вынесла стол и поставила на него чайник. Мира раздавала кружки, всё ещё в домашней рубашке, но уже в короткой соседской куртке. Орен сидел у сарая и сердился на каждого, кто спрашивал, удобно ли ему. Тав таскал посуду из кухни и складывал её в ящики так, будто лично доказывал тарелкам, что они зря переживают.

Рина впускала людей по одному. Шкаф разгрузили, сняли дверцы и привязали к оконной скобе, обычно державшей тяжёлую ставню и теперь выглядевшей оскорблённой новым назначением.

Дом больше не гудел. Он понемногу оседал.

Разница была важной. Гул предупреждал. Оседание происходило без разговора.

На лестнице между третьей и четвёртой ступенью появился зазор. Пока тонкий, как сложенный билет.

Рина проверила ширину краем монеты и поставила монету в зазор ребром.

— Если упадёт, все выходят, — сказала она.

— Даже ты? — спросил Тав.

— Особенно я.

Он не поверил. Рина не стала требовать.

Из мастерской принесли две металлические накладки, оставшиеся после ремонта задней двери. Рина помнила этот ремонт. Ивара на стремянке. Дождь, стучавший по жестяной крыше. Собственную руку, державшую фонарь.

Она не помнила, почему после этого разрешила ему остаться на ужин.

Память стала похожа на дом после эвакуации: вещи на месте, людей внутри нет.

— Эти подойдут, — сказал Ивар.

Он приложил накладки поперёк трещины, не касаясь старой полосы, так, чтобы они легли на целую балку и дверной брус. Грубый внешний шов выглядел не ремонтом, а временной мерой.

— Если стянуть здесь, нагрузка уйдёт в брус, — сказал он. — Не навсегда. До бригады.

— На сколько?

— Три часа выдержит.

— Ты уверен?

Ивар посмотрел на новый чёрный след на потолке.

— Нет. Два — выдержит. Третий будем проверять.

Так было лучше.

Тав просверлил два отверстия, Ивар держал накладку, Рина следила за монетой. Дом вздрагивал на каждом обороте сверла. После второго болта зазор перестал расти.

— Всё? — спросил Тав.

— Нет, — ответили Рина и Ивар одновременно.

Тав закатил глаза.

Третье крепление пришлось ставить ближе к трещине. Ивар протянул Рине мел, чтобы отметить точку.

Она не взяла.

Чтобы дотянуться, нужно было подойти к стене на расстояние ладони.

— Я отмечу, — сказал он.

— Нет. Там пустой край. На два пальца левее.

— Отсюда не видно.

— Я помню балку.

Навык остался. План дома стоял в голове целиком: толщина бруса, старые отверстия, место, где отец заменил гнилой участок и никому не сказал, что древесины не хватило до угла. Рина могла пройти по комнатам мысленно и назвать, какая половица отзовется.

Ивар передвинул мел левее.

— Здесь?

— Ещё немного.

Он поставил отметку.

Тав просверлил третье отверстие.

Монета не упала.

Рина положила два пальца на металлическую накладку. Холод остался в железе. Не полез под кожу, не потянул за собой чужие комнаты.

— Только лестничный пролёт, — сказала она. — До опорщиков.

Ивар затянул болты по очереди. Металл тихо зазвенел. Трещина у лестницы побледнела, будто в неё втёрли золу. Две другие остались чёрными.

— Держит, — сказал Тав.

— Пока стоит шов, — ответила Рина. — И пока никто не идёт наверх.

— Значит, можно занести отца в комнату снизу?

На первом этаже была маленькая кладовая рядом с мастерской. Без окна, с запахом масла и мешками старой штукатурки. Орен ненавидел её ещё до того, как узнал, что туда предлагают переселить его самого.

— Во двор ему нельзя до вечера, — сказал Тав. — У него руки ледяные.

— К соседям, — предложил Ивар.

Орен услышал из двора.

— Я ни к кому не пойду.

— Тогда кладовая, — сказала Рина.

— Это не комната.

— Сегодня комната.

Отец появился в дверях, запахнув пальто поверх рубашки.

— Я могу подняться сам.

— Можешь, — сказала Рина. — Но не поднимешься.

Орен посмотрел на металлический шов. Потом на её руку.

— Ты опять держишь?

Вопрос был задан тихо, чтобы остальные могли сделать вид, что не слышали.

Рина разжала пальцы. Серые линии потемнели на сгибах.

— Не сейчас.

Это было правдой. И всё равно отец не успокоился.

— Тогда почему оно слушается?

Рина посмотрела на разгруженный шкаф, пустой опасный этаж, три болта в металле, соседскую куртку на матери и один чужой носок на Таве.

— Потому что мы сделали достаточно, чтобы оно не падало два часа.

— А потом?

— Потом будут новые факты.

Орен ждал другого ответа. Все ждали.

Рина тоже.

Но другого не было.

— В кладовую, пап.

Он пошёл сам.

• • •

В семь пятьдесят семь диспетчер перезвонил Таву и сказал, что машина будет через двадцать минут.

Опорщики приехали в восемь семнадцать.

Их было трое. Двое разгружали из серой машины красные стойки, третья — невысокая женщина с выбритым виском — слушала Тава, одновременно осматривая фасад. На рукаве у неё была белая аварийная полоса, без знака районной инспекции.

Это всё ещё не было официальным осмотром — лишь работой людей, которые не давали дому упасть до прихода тех, кто решит, кому за это отвечать.

— Кто принял зов? — спросила женщина.

Рина подняла руку.

Опорщица посмотрела на серые линии.

— Полный объём?

— Я сказала «держу». Границу не удержала.

— Потеря?

— Есть.

— Какая?

Ивар шевельнулся рядом.

Рина ответила раньше него:

— Не относится к аварийной стабилизации.

— Навык и ориентация сохранены?

— Да.

Женщина посмотрела на неё ещё секунду и кивнула.

— Кто поставил шов?

— Мы, — сказал Тав.

— Ивар рассчитал, — уточнила Рина. — Тав крепил. Я назвала границу.

Ивар ничего не добавил.

Опорщица вошла в дом, постояла под лестницей и коснулась пальцем каждого болта. Потом осмотрела железную полосу, возле которой осталась царапина от клина.

— Это кто?

— Я, — сказал Ивар. — Провёл ошибочную пробную разгрузку. На толщину ногтя. Получили рост кухонной трещины, вернули крепление.

Женщина узнала его только теперь.

— Ты же из третьей бригады?

— Уже нет.

— Вижу.

Она не спросила, почему бывший сотрудник Службы пришёл к аварийному дому до рассвета с двумя билетами на поезд. Возможно, аварийные опорщики умели не задавать вопросы, которые не помогают стойке войти в пол.

— Временный шов хороший, — сказала она. — Часа полтора у вас ещё было. Может, два. Верхний пролёт всё равно закрываем. Газовую стену подпираем отдельно. До инспекции никто не живёт выше первого этажа.

— Когда инспекция? — спросила Мира с порога.

— Сегодня.

— Сегодня — это когда?

— Когда район закончит с соседним кварталом.

Мира сжала губы. Рина почти улыбнулась. С эвакуацией Мира справлялась лучше, чем с неопределённостью.

Опорщики занесли первую красную стойку. Она оказалась тяжелее, чем выглядела. Тав схватился за нижний край, Ивар — за верхний. Рина отошла, чтобы освободить проход.

И тогда увидела линию на стене.

В глухом конце коридора, напротив лестницы, куда ушла вторая ветвь трещины, проступал прямоугольник.

Сначала Рина решила, что это пыль легла по старой кладке. Но линия была слишком ровной. Она шла от пола вверх, поворачивала на ладонь выше её головы и возвращалась к полу. Узкая. Серая. Размером с дверь.

Только двери там никогда не было.

За этой стеной был двор. Рина знала толщину кладки до пальца: кирпич, старая труба отопления, штукатурка. Даже с ошибкой в расчётах места для комнаты там не было.

— Подождите, — сказала она.

Никто не услышал. Красная стойка скрежетала по полу.

Рина подошла ближе.

Линия не была трещиной. Трещины рвались, ветвились, искали слабое место. Эта знала, куда идёт.

В центре прямоугольника медленно проступило тёмное пятно.

Не ручка. Пока только место для неё.

Рина подняла ладонь, но не коснулась стены.

Изнутри трижды постучали.

Глава 3

— Не ставьте.

Красная стойка замерла посреди коридора. Опорщик держал её на плече, второй уже опустил башмак к полу и теперь смотрел на Рину так, будто она решила спорить с тяжёлым железом из личной неприязни.

— Здесь раскрытие, — сказала она.

Тёмная точка на сером прямоугольнике была не больше ногтя. Ручки ещё не было. Только место, где она могла появиться.

За стеной молчали.

— Какое раскрытие? — спросила опорщица.

— Пока никакого. Поэтому стойку сюда не ставьте.

Она подняла ладонь, не касаясь стены. Между пальцами и штукатуркой оставалось несколько сантиметров. Серые линии под кожей почти исчезли, но в суставе большого пальца всё ещё сидела чужая тяжесть.

Опорщик медленно отступил.

— Куда?

Временный шов на лестнице держался. Красная меловая черта у первой ступени не сдвинулась; от слепой стены до дверного проёма было два шага, до лестницы — три.

— К косяку. Башмаком наружу. Если перед нами дверь, она должна открываться в коридор.

— Если, — повторила опорщица.

Из стены постучали снова.

Три раза.

Негромко. Но теперь Тав перестал затягивать ремень на второй стойке. Ивар поднял голову от часов. Оба опорщика посмотрели на серый прямоугольник.

Снизу тихо сказала мама:

— Я тоже слышала.

Отец стоял рядом с ней, держась за перила. Мама придерживала его за локоть. На ней всё ещё был соседский плащ, короткий почти на ладонь. Дом с утра раздавал людям чужие вещи и собственные неприятности без всякого порядка.

Рина не ответила.

— Коридор освобождаем, — сказала опорщица. — Стойку к косяку. Вторую у лестницы. К стене никто не подходит.

На этот раз никто не спросил, почему.

Красный металл протащили назад. Башмак скрежетнул по полу, сгребая перед собой маленькую волну серой пыли.

Тав перешагнул через инструменты и присел у прямоугольника, оставаясь за меловой чертой.

— Там двор.

— Я знаю.

— Нет, я о том, что можно посмотреть снаружи.

Рина повернулась к нему.

Тав уже снял рулетку с пояса опорщика.

— От угла кухни до окна четыре метра двадцать. От окна до водостока — метр десять. Если ваш новый коридор куда-то поместился, он должен торчать во дворе. Желательно не делать вид, что это нормально.

Он не ждал распоряжения. Просто пошёл вниз, перепрыгнув через временный шов.

— Тав, — позвала мама.

— Я снаружи. Это теперь самое безопасное место в семье.

Дверь во двор хлопнула.

Рина подошла к порогу слепого коридора, но за черту не переступила.

— Толщина этой стены — тридцать восемь сантиметров, — сказала она. — Кирпич, штукатурка. Снаружи идёт старая отопительная труба.

— Ты помнишь? — спросил Ивар.

— Я здесь живу.

Вышло резче, чем требовалось. Ивар только кивнул и записал цифру на полях аварийного листа.

— Может быть, заложённая ниша, — сказал он. — Старая кладка, потом закрыли с обеих сторон.

— Для ниши нужен объём.

— Поэтому Тав и меряет.

Со двора донёсся стук металла по кирпичу. Раз. Пауза. Ещё раз, дальше по стене.

Звук возвращался сухим и близким. Обычная кладка. Рина знала, как звучит пустота за стеной: глубже, с коротким послезвучием, будто удар сначала проваливается, а потом вспоминает дорогу назад. Здесь ничего не проваливалось.

Тав показался в окне лестничной площадки. Волосы намokли от мелкого дождя и прилипли ко лбу.

— От угла до трубы — метр восемьдесят семь, — крикнул он. — Труба на месте. Двор тоже. Комнаты пока нет.

Опорщица взяла у Ивара лист и сверила цифры.

— Ещё раз от внутреннего угла.

Тав исчез.

Ивар протянул рулетку по полу, Рина держала конец у безопасной стены. Внутренние и наружные цифры сошлись: контур приходился точно на участок между углом и трубой, где для комнаты не оставалось даже ширины ладони.

Когда Тав вернулся, его ботинки были в мокрой кирпичной крошке. Он положил рулетку на подоконник и сказал:

— Если там ниша, она очень воспитанная. Ни одного кирпича не подвинула.

Никто не засмеялся, но опорщица выдохнула через нос. Сейчас хватило и этого.

Она достала из ящика тонкий металлический стержень.

— Пройду вдоль кладки. Без касания контура.

Рина посмотрела на серую линию. Та не стала темнее после стука. Меловая отметка у пола оставалась целой.

— Один удар по целой стене, на ширину пальца от контура. Если линия пересечёт меловую черту или изменится шов — выходим.

— Почему шов? — спросила опорщица.

— Первая линия пришла к этой стене от шва.

Женщина посмотрела на лестницу, потом на Рину.

— Один удар, — согласилась она.

Родителей отвели вниз. Мама не спорила, только несколько раз оглянулась. Отец смотрел на серый прямоугольник до тех пор, пока поворот лестницы не закрыл стену.

Тав остался у входной двери. Ивар встал рядом с ним и поднял часы.

— Восемь двадцать девять, — сказал он.

Опорщица провела стержнем вдоль стены. У верхнего угла металл дрогнул, словно его потянуло к серой линии, но женщина сразу отвела руку.

Рина продлила меловую черту до стены и указала на целую кладку, отступив от контура на палец.

Опорщица ударила легко.

Изнутри ответили три раза.

Серая линия потемнела. Точка в её центре вытянулась, выступила из штукатурки и стала металлической ручкой.

Не нарисованной. Настоящей.

На матовом железе лежала мелкая пыль. Под ручкой не было ни замочной скважины, ни накладки — она росла прямо из стены, как вещь, о которой кладка вспомнила позднее остальных.

Тав выругался.

Опорщица не сделала ему замечания.

— Больше не стучим, — сказала Рина.

— И не трогаем, — добавила женщина.

— И не трогаем.

Ивар опустил часы.

— Восемь тридцать. Ручка появилась после одного внешнего удара. Ответ — три удара с той стороны контура.

Он говорил для записи. Рина была ему благодарна — и сразу разозлилась на себя за чувство, которому не доверяла.

Пока ждали районную инспекцию, опорщики закрепили стойки у косяка и лестницы. Красные распорки встали поперёк коридора, оставив узкий проход к невозможной двери. Газовую стену подпёрли отдельно. Верхний этаж закрыли лентой.

Дом притих.

Ивар сел на нижнюю ступень, достал из сумки тонкую тетрадь и протянул Рине.

Обложка была синяя, с потёртым углом. Такие продавали в любой лавке по три штуки. На первой странице её почерком было написано: «Ласса».

Рина не взяла тетрадь сразу.

— Откуда она у тебя?

— Ты отдала мне её вчера вечером.

— Зачем?

— Сказала, что утром можешь передумать. И что тогда мне понадобится доказательство, что план вообще существовал.

— Удобно.

— Очень.

Он держал тетрадь за край. Ближе не поднёс, на нужной странице не открыл.

Рина взяла её.

Почерк был её. Неровный, быстрый, с привычкой не дописывать последние буквы, когда рука уже знала слово. На полях стояли цифры, перечёркнутые дважды. Никакой красивой исповеди прежняя Рина не оставила. Видимо, даже перед побегом у неё были дела поважнее литературного наследства.

«Мастерская. Работа с девяти. Комната сверху. Ключ один».

Ниже — размер платы за первый месяц и пометка купить тёплые носки, потому что в Лассе сквозит с моря.

На следующей странице: «Билет взять во вторник. Не прятать в чай — Мира всё равно найдёт».

Рина помнила, как прятала билет. Помнила жестяную банку, царапину на крышке, сумму, которую отдала кассиру. Не помнила только, зачем мысль о другом городе казалась настолько правильной, что ради неё она собиралась выйти из дома до рассвета.

Она перевернула страницу.

«Ивар. Калитка. 4:45».

Под строкой — поздняя приписка:

«Если не выйду — стучи. В дом не входи».

Рина прочла дважды.

Ручка за её спиной оставалась неподвижной. Пыль на металле не осыпалась.

— Ты постучал?

— Да.

— И вошёл.

— После второго удара. Когда Тав открыл дверь и сказал, что ты в кухне.

— Значит, половину просьбы ты выполнил.

— Больше, чем обычно.

Он сказал это без улыбки.

В тетради были другие даты: ремонт крыши, чай у реки, день, когда Ивар принёс карту Лассы. Они доказывали, что он часто был рядом. Не то, почему Рина позволила ему ждать у калитки с её чемоданом.

Рина закрыла тетрадь.

— Ты не придумал поездку.

— Нет.

— И я сама позвала тебя.

— Да.

— Это не значит, что я сейчас должна верить всему остальному.

— Не значит.

Он ответил слишком быстро. Потом сжал губы, будто собирался добавить что-то ещё, и не добавил.

Рина провела большим пальцем по загнутому углу обложки.

— Билеты у тебя?

Ивар расстегнул внутренний карман. Два сложенных прямоугольника лежали там вместе. Он не вынул их.

— Оставь пока, — сказала Рина.

— Хорошо.

Тетрадь ничего не вернула. Но теперь у пустоты появились даты, сумма за комнату и встреча в четыре сорок пять. Этого было мало для доверия и слишком много, чтобы назвать Ивара лжецом только потому, что внутри у неё не отзывалось ничего.

У входа хлопнула дверь.

Районная инспекция пришла в девять без десяти: Сена, двое замерщиков и писарь с жёсткой папкой под мышкой.

Сена была в сером рабочем пальто с белой полосой на обоих рукавах. Не сняла мокрые перчатки, пока не увидела ручку. Потом стянула одну зубами и подошла к меловой черте.

Сена коротко восстановила цепочку: после появления контура к стене никто не прикасался; опорщица проверяла в названном Риной пределе.

Она раскрыла журнал замеров.

Рина перечислила: полный зов на кухне, подтверждённая потеря, временный шов, серый контур, наружный замер, один удар и три в ответ. Содержание потери оставила за пределами акта: на текущую устойчивость оно не влияло.

Сена перебивала, только уточняя время и расстояния.

— Первый стук слышали вы одна?

— Да.

— Второй?

— Все, кто был в коридоре.

— Наружная кладка нарушена?

— Нет, — сказал Тав.

Сена подняла взгляд.

— Отвечает тот, кто проверял.

— Я и проверял.

Он положил на папку лист с цифрами. Руки у него были красными от мокрого кирпича.

Сена сверила внутренние и внешние расстояния. Потом сама вышла во двор с одним из замерщиков. Вернулась через семь минут, с каплями дождя на белой полосе.

— Объём отсутствует, — сказала она писарю.

Тот замер с карандашом.

— Так и писать?

— Так и писать. «Признаки проёма подтверждены. Зарегистрированный объём за проёмом отсутствует».

— Если объёма нет, это не проём.

— Поэтому признаки.

Она достала из футляра районную печать — белую костяную пластину с металлической рукоятью. Держала её без торжественности, как опорщики держали мел и гаечный ключ.

— Накладываем рабочую печать на десять дней. Доступ только при районной бригаде. Любое изменение контура, температуры или звука записывать по времени.

— Десять дней? — спросила Рина.

— Или до проверенного снятия.

Сена приложила пластину к целой стене над серой линией.

Белый след пошёл от печати в обе стороны. Он обогнул прямоугольник, спустился к полу и замкнулся под ручкой.

Серая линия стала почти чёрной.

Теперь дверь видели все.

Мама тихо втянула воздух. Отец сделал шаг вперёд, но она удержала его за рукав.

— Здесь никогда не было двери, — сказал он.

Сена повернулась к нему.

— Вы знаете план кладки?

— Я знаю план этой стены. Кирпич, труба, двор.

— В акт.

В журнал вошли отсутствующий объём, неустановленный источник стука и потеря после полного зова. Последнюю строку Сена продиктовала дословно: «подтверждена носителем».

Слово «носитель» Рине не понравилось. Оно превращало её в ящик, который кто-то забыл подписать. Но по крайней мере Сена не потребовала открыть его прямо в коридоре.

— До снятия печати вы не покидаете район, — сказала она.

Рина сначала решила, что речь всё ещё о доме.

— Кто?

— Вы, Рина.

— Дом опечатан. Я нет.

— После полного зова и появления незарегистрированного проёма инспекция не может подтвердить, что ваше перемещение безопасно.

— Для кого?

— Пока не установим — ни для кого.

Сена сказала это спокойно. Так было хуже: запрет держался не на её власти, а на том, чего они ещё не знали.

— Я собиралась уехать сегодня.

— Сегодня вы уже не уехали.

— Это не одно и то же.

Сена задержала на ней взгляд.

— Не одно. Поэтому запрет временный. Поезд был не последним.

— Но следующий теперь тоже не моё решение.

— Пока мы не установим, что изменилось после полного зова, — не только ваше.

В кармане Ивара лежали два билета. В руках Рина держала тетрадь, где её же почерком была назначена другая жизнь. Ни бумага, ни почерк не заставляли хотеть её обратно.

А запрет сработал сразу.

Не как желание остаться. Как закрытая калитка.

Сена повернулась к ручке.

— Ставьте служебную накладку. Открытие после полного обследования.

Один из замерщиков достал плоскую белую пластину и ремни.

— Подождите, — сказала Рина.

— Печать уже действует.

— Вы собираетесь закрыть ручку, не установив, открывается ли проём.

— Именно для этого накладки и существуют.

— Тогда через десять дней у вас будет та же неизвестность. Только аккуратно опечатанная.

Сена оглядела стойки, меловую линию и опорщицу у лестницы.

— Что вы предлагаете?

Рина хотела открыть дверь с той секунды, когда ручка выступила из стены. Дом молчал. Нетерпение было её собственным — и от этого не становилось безопаснее.

— Один поворот, — сказала она. — Без входа. Сначала проверяем условия.

— Перечислите.

— Верхний этаж пуст. Газовая стена на отдельной стойке. Коридор свободен, меловая граница не изменилась. Опорщики у входа. При любом движении шва отходят. Во дворе никого.

Сена посмотрела на белую накладку в руках замерщика.

— Если это створка, крепление придётся ставить на неё, а не на кладку. Один поворот покажет, куда ставить крепление. Не больше.

— Кто поворачивает?

— Я.

Мама шагнула с нижней ступени.

— Рина.

— Один раз, мам.

— Ты уже один раз сказала: «две минуты».

Рина посмотрела на серые линии под кожей.

— Поэтому сейчас условия слышат все.

Мама сжала губы. Отец положил ладонь ей на плечо. Не останавливал Рину и не подталкивал вперёд. Просто остался рядом с женой.

Сена осмотрела печать и опоры, получила подтверждение: двор пуст. Ивар остался за меловой чертой и повторил вслух: девять ноль семь, один поворот, порог не переступать. Тогда Сена протянула Рине большую рабочую перчатку.

Рина надела перчатку. Она была велика, кончики пальцев остались пустыми. Пришлось затянуть ремешок на запястье зубами.

Потом она переступила внешнюю меловую черту. Порог двери оставался впереди, под белым следом печати.

Ручка была холодной даже через ткань.

Рина обхватила её и подождала.

Дом молчал: ни зова, ни гула, ни подсказки, какой ответ будет правильным.

За спиной кто-то дышал слишком громко. На лестнице тихо звякнул инструмент. Белая печать вокруг контура оставалась неподвижной.

— Один поворот, — сказала Сена.

Рина нажала.

Ручка повернулась слишком легко.

Дверь открылась на ширину пальца.

За ней было светлее, чем во дворе.

Глава 4

— Руку не двигайте.

Сена сказала это негромко, но Рина замерла раньше, чем успела спросить, зачем.

Дверь стояла открытой на ширину пальца. Из щели падал ровный свет — не жёлтый, как от лампы в коридоре, и не серый, как утро во дворе. Он лёг узкой полосой на большую рабочую перчатку и сделал ткань почти белой.

Ручка оставалась холодной.

— Время, — сказала Сена.

— Девять ноль семь. Двадцать три секунды после поворота, — ответил Ивар.

Он стоял за внешней меловой чертой. Часы держал перед собой, тетрадь Рины — под мышкой. Два билета так и лежали во внутреннем кармане его пальто.

— Рина, медленно отпустите ручку. Не тяните створку на себя.

Рина разжала пальцы.

Дверь не закрылась. Не открылась шире. Осталась там, где её оставили, будто за ней были обычные пол и петли, а не двор и кирпичная стена.

Сена выждала.

— Теперь назад за черту.

Рина отступила. Большой палец в чужой перчатке согнулся не сразу.

Ей хотелось посмотреть в щель.

Не потому, что дом звал. Дом молчал. Хотелось ей самой — сильно, почти глупо, как в детстве хотелось открыть подарок раньше положенного и потом аккуратно вернуть бумагу на место, будто никто не заметит.

Сена заметила.

— Сначала проверка.

— Я ничего не сказала.

— Поэтому я сказала.

Один из замерщиков поставил у внешней черты ящик и достал мерный стержень. Писарь раскрыл журнал на новой странице.

Щель оказалась шириной двадцать два миллиметра. Стержень прошёл внутрь сначала на ладонь, потом глубже и ни во что не упёрся.

Сена присела у порога. За дверью лежала тёмная доска в светлой пыли. Чуть дальше свет пересекала ножка узкого стеллажа.

— Комната, — сказала Мира с лестницы.

Орен ничего не ответил.

— Воздух есть. Пол держит, — сказал замерщик. — Дальше без расширения не увижу.

— Открываем до ширины ладони. Ставим временный упор.

На этот раз ручку держал замерщик. Рина следила за белой линией у порога.

Створка сдвинулась без скрипа. На ширине ладони Тав просунул снизу деревянный упор и закрепил его ремнём за петлю на красной стойке.

— Если дверь, которой не было, решит захлопнуться, — сказал он, затягивая пряжку, — ей сначала придётся заполнить акт о повреждении служебного имущества.

Писарь поднял голову.

— Это не служебное имущество.

— Тогда ей повезло.

Сена не обернулась.

Через проём теперь было видно больше.

Комната уходила вправо: три шага до дальней стены, четыре вдоль стеллажей. Снаружи такой объём занял бы весь двор до трубы и часть соседского навеса.

Внутри стояли полки.

Деревянные, разные по высоте, кое-где подпертые обрезками досок. На них лежали коробки, свёртки, жестяные банки, папки с истёртыми углами. Между вещами оставались пустые промежутки, ровные и неровные. С потолка свисала лампа без провода. Свет исходил не от неё.

Сена посмотрела вверх только один раз.

— Источника нет, — сказала Сена. — Запишите.

— Может, сначала закрыть? — спросила Мира.

— Можно, — сказала Сена. — Но тогда мы не узнаем, осталось ли за дверью то же самое.

Рина снова оглядела полки. После невозможной двери она почему-то ждала хотя бы порядка — не сокровищ и не чуда, просто чего-то, по чему можно понять, зачем всё это здесь стоит.

На ближайшей полке стояла коробка с продавленным углом. Рядом лежала сухая кисть, прилипшая к блюду с синей краской.

Объяснения не было.

— Если начнёте выносить вещи, — сказала Рина, — мы потеряем их положение.

Сена повернулась к ней.

— Мы ещё не начинали.

— Мешки уже приготовили.

У стены действительно лежали два серых служебных мешка. Один замерщик держал в руке пачку новых бирок.

— Ваш порядок? — спросила Сена.

— Описывать на месте. Сначала ближайший ряд. Один человек, один шаг, ничего не трогать.

Сена посмотрела на серые линии под кожей Риной, потом на порог.

— Вы предлагаете себя.

— Четверо с мешками хуже одной ноги.

Тав перестал держать пряжку и поднял голову.

Мира сказала:

— Рина, хватит.

— Я не иду по комнате, мам.

— Ты всегда сначала куда-то не идёшь. Потом мы почему-то стоим у новой двери.

Рина промолчала. Возразить было чем, но всё это уже говорилось утром и ни разу не помогло стенам.

Сена посмотрела на проём.

— Чужой вход будет новым воздействием. Ваш шаг продолжит начатое. Поэтому первой идёте вы. Не потому, что это безопасно.

Она повернулась к остальным.

— Одна нога остаётся снаружи. При любом отклике выходите сразу. Остальные не двигаются без моей команды.

— Хорошо, — сказала Рина.

— Это было не предложение.

Рина подошла к порогу. Рабочую перчатку она не сняла. Сначала поставила носок ботинка на первую доску. Та прогнулась ровно настолько, насколько должна была прогнуться старая половица под весом человека.

Потом скрипнула.

Обычный звук оказался хуже стука из стены.

Рина перенесла часть веса вперёд. Одна нога осталась в коридоре.

Свет не дрогнул. Полки не сдвинулись. Дом не позвал.

— Печать целая, — сказал замерщик.

— Шов без изменений, — отозвался Тав.

Сена ждала.

— Назад.

Рина вышла.

На подошве осталась светлая пыль. Её сняли на стекло и подписали.

Замерщик проверил доску стержнем и вошёл первым. За ним — Сена и писарь, сразу занявший лучшее место у двери. Рину впустили следующей.

Ивар остался за внешней линией, Тав — у створки. Миру и Орена оставили в коридоре до опознания вещей.

Писарь начал с ближайшего стеллажа.

— Полка один. Ряд первый. Коробка картонная, закрытая.

— Не закрытая, — сказала Рина. — Крышка просто лежит сверху.

Писарь посмотрел.

— Коробка картонная. Крышка лежит сверху.

Он привязал бирку к боковой планке, не касаясь коробки.

На второй полке стояли три жестяные банки. В одной засохла синяя краска, в другой — жёлтая. Третья была пустой, если не считать кисти с деревянной ручкой. Когда замерщик слегка задел биркой край блюда, сухая синяя крошка осыпалась на чистую бумагу.

Свет не дрогнул. Пыль на соседней банке осталась ровной.

— Краску тоже, — сказала Сена.

Дальше лежал рабочий пропуск. На фотографии был молодой мужчина с длинным лицом и слишком серьёзным взглядом. Имя стёрлось под сгибом. Сохранились только дата выдачи и название мастерской в другом районе.

— Наш? — спросила Сена.

Мира посмотрела на фотографию.

— Не знаю.

Орен покачал головой.

Пропуск остался без истории.

На нижней полке лежала детская карта моря. Берег был нарисован зелёным карандашом, вода — синим. В правом углу кто-то вывел круглое солнце и пять птиц, каждая похожа на перевёрнутую галку. Бумага истончилась на сгибах.

Рина не знала, кто её рисовал и видел ли этот ребёнок море вообще.

Стеллажи старели по-разному. Где-то пыль лежала плотным серым слоем. На боковинах оставались карандашные числа, зарубки ножом, аккуратно заменённые штифты. Одну ножку надставили куском другого дерева так точно, что разницу заметили не сразу.

— Подождите. На кромке, — сказала Мира от порога.

Она показывала на край нижней полки.

Под пылью на кромке одной из полок проступали буквы.

РИ

Рина подошла ближе.

— Не касаться, — напонила Сена.

Замерщик сдул пыль резиновой грушей. Серое облачко поднялось и осело на его рукаве.

На дереве было выведено карандашом:

РИНА

Не на новой служебной бирке. Старым почерком, глубоко вдавленным в мягкую сосну.

На полке лежал оборванный угол плотной бумаги. Виднелась часть рамки и две цифры. Ни города, ни времени, ни имени.

Рядом оставался пустой прямоугольник.

Вокруг лежала старая пыль. Внутри было чисто, только посередине тянулась тонкая серая метка. Ни на полке, ни в старых надписях не было указано, от какой вещи остался след.

Рина подняла руку.

Перчатка была велика. Пустые кончики пальцев накрыли две цифры на обрывке, не касаясь бумаги.

Рина остановила руку и опустила её.

Ивар в коридоре ничего не сказал.

— В журнал, — сказала Сена. — Полка с именем Рины. Бумажный фрагмент. Пустой участок с серой меткой.

— Время появления метки не установлено, — сказала Рина.

Сена кивнула.

Писарь исправил запись.

Мира обхватила себя руками.

— Я не разрешаю ничего отсюда забирать.

Сена закрыла один журнал и открыла другой, тоньше.

— Пока и не забираем.

— А потом?

— Потом будет решение об изъятии или хранении на месте.

— Это вещи нашей семьи.

— Вы не опознали почти ни одной.

— От этого они не стали вашими.

Сена ответила без раздражения.

— Поэтому они пока остаются здесь.

Рина услышала слово «пока». Мама тоже.

Мира продолжала смотреть на бирки, пока замерщики переходили к правой стене.

До правой стены добрались ещё через шесть минут. Орена впустили после Миры. Он встал рядом с ней у первой отметки, держался прямо, но дышал ртом, будто лестница отняла больше сил, чем он хотел показать.

— Там, ниже, — сказал он.

У дальней ножки стеллажа лежал плоский футляр. Тёмная кожа растрескалась по углам, ремешок был заменён новым. Шов шёл мелкими одинаковыми стежками.

— Вы его знаете? — спросила Сена.

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Замерщик отметил мелом место, где лежал футляр, и перенёс его на край той же полки.

Рина увидела, что место старого разрыва зашито тонкой вощёной нитью. Так чинили вещи в их доме: некрасиво, зато чтобы второй раз рвалось уже в другом месте.

Мира провела взглядом по стежкам.

— Это ты шил.

Орен не посмотрел на неё.

— Я много чего шил.

— Вот именно так.

Сена подняла ладонь, останавливая разговор.

— Сначала записываем внешние признаки.

Писарь закончил. Замерщик поддел застёжку стержнем.

Крышка поднялась.

Внутри лежал маленький камертон.

Тёмный металл потускнел, но зубцы были целы. На каждом сидело по маленькому сдвижному грузику. Рядом, в выемке, лежал короткий ключ для настройки.

Орен отступил на полшага.

— Не мой.

— Никто не сказал, что ваш, — ответила Сена.

Мира ничего не сказала. Только убрала руку с его локтя.

— Не касаться, — распорядилась Сена. — Записываем содержимое и закрываем.

Рука Орена двинулась раньше, чем замерщик успел закрыть футляр.

Орен взял камертон за ножку — двумя пальцами, точно ниже середины. Повернул зубцами от лица и ударил о мягкий край ладони.

Чистый звук разошёлся по комнате.

Он был тихим, но полки будто стали ближе. Пыль на дереве не дрогнула. Свет не изменился.

— Всем стоять, — сказала Сена. — Печать?

— Целая.

— Шов?

— Без изменений, — ответил Тав.

Орен поднёс камертон к уху, нахмурился и сразу потянулся за ключом.

— Ниже, — сказал он.

Повернул ключ едва заметно. Снова ударил о ладонь.

Второй звук был выше.

Только тогда Орен увидел собственную руку.

Замер.

— Писарь, нарушение доступа в журнал. Орен, положите предмет.

Он не послушал с первого раза.

Камертон продолжал звучать между его пальцами. Ладонь Орена нашла точное место, где гасили звук, но он отдёрнул её.

Рина осталась у своей полки.

Орен медленно положил камертон на полку.

На нижней стороне доски пыль была смазана его пальцами. Под ней обнаружилась карандашная метка: две короткие линии и одна длинная между ними.

Он посмотрел на неё и закрыл глаза.

— Вы знаете эту отметку? — спросила Сена.

Орен молчал.

Карандаш писаря остановился над журналом.

— Орен, — сказала Мира.

Он открыл глаза. Посмотрел не на жену и не на Сену.

На Рину.

— До тебя несущим этого дома был я.

Орен разжал руку.

Камертон всё ещё звучал на деревянной полке.

Глава 5

— Не трогать.

Звук ещё не успел стихнуть, а Сена уже стояла рядом с Ореном.

Она не схватила его за руку. Только встала между ним и полкой.

— Камертон положен. Руки опустите. Ключ оставьте где лежит.

Орен смотрел на металл так, словно всё ещё чувствовал его между пальцами.

— Я положил.

— Я вижу.

Сена протянула ладонь замерщику.

— Футляр закрыть. Отдельная бирка на предмет, отдельная — на нарушение. Комнату освобождаем.

Писарь снова склонился над журналом. Карандаш пошёл быстро, с сухим шорохом. Он назвал время, затем повторил вслух: «Самовольное извлечение, настройка, два удара, предмет возвращён на полку» — и только после этого посмотрел на Орена.

— Признание тоже дословно? — спросил он.

— Дословно, — сказала Рина.

Сена повернула к ней голову.

Рина стояла у своей полки. Пустой прямоугольник никуда не исчез. Оборванный угол бумаги тоже. Всё осталось на месте, только комната вдруг стала меньше — от людей, от журнала, от одной фразы, которую уже нельзя было затолкать обратно в отцовский рот.

— «До тебя несущим этого дома был я», — повторила Рина. — Запишите.

Писарь записал.

Орен закрыл глаза на секунду.

— Рина.

— Потом.

Слово вышло ровным. Рина прижала руки к бокам и осталась у полки.

Замерщик накрыл камертон крышкой и стержнем застегнул ремешок футляра. На узел легла белая бумажная полоса с подписью Сены.

Тав всё ещё держал створку.

— У меня ремень сводит пальцы.

— Ещё двадцать секунд, — сказала Сена.

Она вывела людей в обратном порядке: сначала Миру и Орена, потом писаря, замерщика, Рину. Последней вышла сама. Тав убрал деревянный упор. Дверь закрылась без помощи, медленно, как обычная тяжёлая дверь, которую отпустили слишком осторожно.

Белая печать вокруг неё осталась целой.

Сена провела по стыку контрольной полосой. Полоса не изменила цвет.

— До отдельного распоряжения доступ Орена к объекту запрещён.

— Я и не собирался туда возвращаться, — сказал Орен.

— Хорошо. Значит, исполнить запрет будет несложно.

Тав фыркнул и сразу сделал вид, что кашлянул.

Сена поставила подпись на новой бирке и прикрепила её к дверной ручке.

Камертон за стеной больше не звучал, и тишина раздражала Рину сильнее прежнего звука.

Сена оставила Ивара у внешней линии — дожидаться сменщика и передать диспетчеру время двух ударов.

— Теперь рассказывайте, — сказала Мира.

Орен сделал шаг к лестнице и остановился.

— Не здесь.

— А где? У тебя за дверью? — спросил Тав. — Очень подходящее место для семейной открытости.

— Тав, — сказала Мира.

— Что? Я сегодня уже узнал про комнату, которой нет, и отца, который был кем-то до Рины. Хочу хотя бы стул.

— Стул будет, — сказала Сена. — Разговор — после оформления первичных показаний.

— Это одно и то же.

— Нет.

Она сказала это так спокойно, что даже Тав не нашёл, чем продолжить.

В кухне пришлось развернуть стол. Красная стойка перекрывала привычный проход, поэтому Мира поставила чайник на край плиты, а бумаги перенесла с подоконника. Среди квитанций лежал сложенный лист с печатью мастерской и словами «защищённая доля». Мира слишком быстро задвинула его под стопку.

Тав снял с края стола синий конверт. На обратной стороне было напечатано: «Морской квартал». Он сложил конверт пополам, потом ещё раз и убрал в карман.

Рина заметила. Ничего не спросила.

Сена посадила Орена отдельно, ближе к окну. Писарь открыл чистую страницу.

— Сначала устанавливаем, что именно нам известно, — сказала она. — Признание не подтверждает способ передачи. Навык обращения с предметом не подтверждает договор. Семейная память не заменяет акт.

Орен усмехнулся без веселья.

— Вы всегда так разговариваете, когда человек только что сказал вам правду?

— Особенно тогда.

Рина придвинула к себе пустую чашку. На дне засохло кольцо от утреннего чая.

— Нужно три записи.

Карандаш Сены замер над строкой.

— Какие?

— То, что помню я. То, что помнит он. И первоначальный акт. Не выписка из реестра — сам акт и все изменения после него.

У окна скрипнул стул. Орен поднял голову.

— Ты думаешь, я вру?

— Ты одиннадцать лет молчал. После этого упрощённой проверки не будет.

Край стола впился Море в ладонь.

Сена кивнула писарю.

— Запрос в районный архив. Оригинал, копии вкладок, журнал изменений по дому и все записи мощности за одиннадцать лет. Отдельно запросите основание каждой прибавки.

Писарь закрыл журнал и встал.

— Сейчас?

— Нет, после обеда, когда документы станут менее старыми.

Он убрал карандаш за ухо и вышел.

Тав проводил его взглядом.

— Кажется, она умеет шутить.

— Я не шутила, — сказала Сена.

— Так даже лучше.

Перед писарем оставалась чистая строка.

— Начинайте с последнего факта, в котором уверены.

Рабочую перчатку с неё сняли ещё у комнаты. На ладони осталась бледная полоса от грубой подкладки, и Рина провела по ней большим пальцем.

— Отец лежал на полу.

Орен дёрнулся.

— Где?

— В восточном коридоре. Перед детской. Там тогда ещё не было двери в мастерскую, только шкаф Миры и отметки на косяке.

— Мои отметки, — сказал Тав.

— И мои. Ты был ниже ручки.

Тав открыл рот, потом закрыл.

Рина продолжила:

— Было темно. Не совсем. Лампа мигала. Я помню доску у стены. Из неё торчала заноза, и я содрала ладонь, когда опустилась рядом. Помню его руку. Тяжёлую. Он не мог ею пошевелить.

— Я мог, — сказал Орен.

— Нет.

Он посмотрел на неё.

— Не мог, — повторила Рина. — Может, через минуту смог. В тот момент — нет.

Сена не вмешалась. Только подняла карандаш, показывая Орену, что его возражение тоже записано.

— Что вы сказали? — спросила она Рину.

— Не знаю.

— Он утверждает, что вы согласились взять всё.

— Я ещё не слышала, что он утверждает.

Ладонь Орена прошла по лицу и зацепилась за щетину.

— Ты кричала.

— Это я помню.

— Ты сказала: «Отдай мне».

Мира покачала головой.

— Не так.

Сена подняла руку.

— Ваша версия будет отдельно.

— Я была там.

— Поэтому отдельно.

Мира отодвинула от себя чашку.

Рина попыталась найти фразу внутри памяти. Там был пол. Отцовский воротник, растёгнутый неправильно. Кровь на собственной ладони. Треск, от которого мелкая пыль падала на волосы. Ещё было ощущение, что если она не сделает что-то сразу, отец останется на полу навсегда.

Слова не вернулись.

— Я могла сказать что угодно, — сказала Рина. — Мне было семнадцать. Он лежал и не вставал.

— Возраст в акте есть, — ответила Сена. — Состояние нужно подтвердить.

— Подтвердите, — сказала Рина. — Но не дописывайте за меня точную фразу.

На полях появилась короткая отметка.

Орен смотрел на руки. Под ногтем большого пальца осталась тёмная полоска от ключа камертона. Он уже дважды тёр её о брюки.

— Я услышал дом за три года до этого, — сказал он. — Сначала только восточную стену. Потом основание под мастерской. После зимы — лестницу. Каждый раз можно было подождать. Найти людей. Поставить опору. Но так было дольше.

— И ты брал, — сказала Мира.

— Я отвечал.

— И для тебя это было одним и тем же?

Ответ не пришёл сразу. Орен поднял глаза на Рину.

— Тогда я думал, что одно.

Никто не сказал «ну конечно». Оно и без слов стояло на кухне, между чашками и красной стойкой.

— В ночь передачи? — спросила Сена.

— Просела детская. Я уже держал основание и лестницу. Попытался взять ещё. Ноги отказали. Потом руки.

Рина вспомнила вес его ладони.

— Я хотел сказать ей: «Не трогай стену».

— Хотел? — спросила Мира.

— Не знаю. Думал, что говорил.

И это легло в протокол.

— Дальше.

— Рина встала у шва. Положила руку. Дом перешёл на неё.

— Весь? — спросила Рина.

Орен молчал слишком долго.

— В тот момент стало тихо.

— Ты опять не ответил.

— Другого у меня нет.

— А утром?

— Ты ходила. Ела. Ругалась, что опоздаешь.

— Куда?

Он посмотрел на Миру.

— Не помню.

Рина едва не рассмеялась. Одиннадцать лет её жизни снова упёрлись в человека, который даже не помнил, куда она спешила утром после того, как помогла ему встать.

— Что было с тобой? — спросила она.

— Я поднялся.

— Кроме этого.

Тёмный след под ногтем не стирался. Орен всё равно тёр его большим пальцем.

— Перестал слышать дом целиком. Иногда — отдельные места. Восточную стену. Комнату Тава. Потом и это ушло.

— И тебя это устроило?

— Нет.

— Но меня ты не остановил.

— Я говорил тебе не лезть к швам.

Мира резко отодвинула стул.

— Ты говорил ей быть осторожнее, — сказала Мира. — Это ты называл попыткой?

Орен посмотрел на жену.

Она побледнела, но не отвела взгляд.

— Я знала, что в ту ночь что-то перешло, — сказала Мира. — Видела, что он встал, а у тебя на руке появилась первая линия. Я не знала про акт. Орен сказал: «Дом сам выбрал того, кто выдержит».

— Я тоже так думал.

— Очень удобная мысль, — сказала Рина.

Орен кивнул.

Он не спорил. Рина всё равно не отпустила пустую чашку.

— Тав? — спросила Сена.

Он всё это время сидел у плиты. Синий конверт торчал из кармана и упирался краем в столешницу.

— Мне было шесть. Я помню, что несколько дней спал у них в комнате, потому что в моей стояли подпорки. Потом подпорки убрали. Рина стала злиться, если я качался на стуле. Всё.

— О договоре?

— О каком именно? Которого никто не видел или который все считали вечным?

— О любом.

— Нет.

Сена поставила точку.

— Ваше незнание тоже показание.

— Наконец-то я полезен тем, что ничего не знаю.

Чайник закипел. Мира выключила огонь, но воду не налила. На столе стало тесно от пустых чашек.

Писарь вернулся через два часа с курьером и серой архивной папкой, перетянутой новой бечёвкой. Дождь успел начаться и закончиться; на крышке остались тёмные капли.

Сена сверила номер запроса и подпись выдавшего, затем разрежала бечёвку.

Первый лист был тонким, почти прозрачным по сгибам.

Орен узнал его сразу.

— Это он.

— Не касаться, — сказала Сена.

— Я помню бумагу.

— Бумага вас не забыла. Этого достаточно.

Она разложила акт на чистой доске. Писарь закрепил углы стеклянными грузиками.

Рина наклонилась ближе.

Вверху стояла дата той ночи. Ниже — адрес дома, имя Орена и её собственное. В графе «возраст» — семнадцать лет. В строке «основание»: «аварийный ответ при проседании восточного участка».

В строке «срок»: «до установки постоянных опор и повторного замера».

Рина прочитала строку дважды.

— Где «всё»?

Орен не ответил.

Сена перевернула следующий лист.

Через девять дней временный ответ признали устойчивым. В графе «мощность» появилась запись: «единственная доказанная в доме». Ещё через месяц — лестничный узел. Через год — основание мастерской. Потом водосток, северная стена, перекрытие над кухней.

Под некоторыми строками стояла подпись Орена. Под двумя — Миры. Под большинством — только номер инспектора и прямоугольный штамп.

Подписи Рины не было ни под одной.

— Почему я никогда этого не видела? — спросила она.

Орен смотрел на первую страницу.

— Нам говорили, это технические продления.

— Вам.

— Да.

Мира наклонилась над листом о мастерской и прочитала строку со своей подписью.

— Я подписывала доступ к фундаменту.

— Здесь записано согласование нагрузки, — сказала Сена.

— Я не знала.

— Это будет внесено в ваше показание.

Мира подняла глаза от своей подписи.

Рина не отвела глаз. Мира подождала, но Рина не стала заканчивать фразу за неё.

Тав подошёл к столу.

— То есть сначала она спасла его на одну ночь, а потом вы постепенно вписали весь дом?

— Не «вы», — сказала Сена. — Я в то время не работала в этом округе.

— Служба.

— Служба, владельцы и реестр. В разных строках — разные основания.

— Но тело одно.

Карандаш Сены на секунду перестал двигаться.

— Да.

Сена не стала защищаться. В новой записи писарь зачеркнул «служба» и развёл основания по трём строкам.

Рина перелистала выписку до конца.

— В журнал нужно внести всю последовательность.

— Он уже перед вами, — сказал писарь.

— Передо мной папка. В журнале дома до сих пор записан постоянный добровольный перенос.

Сена провела пальцем над строками, не касаясь бумаги.

— Подтверждён аварийный ответ. Позднее расширение — по реестровым основаниям.

Авторство части поправок не установлено.

— Моего согласия на расширение здесь нет.

— Подписи нет.

— Тогда так и запишите.

Несколько секунд строка оставалась пустой.

— Вносите: «Новая запись согласия носителя на расширение объёма не обнаружена».

Карандаш прошёл по новой строке и остановился у точки.

— И нарушение Орена отдельно, — сказала Рина.

Орен поднял голову.

Она не посмотрела на него.

— Отдельно, — подтвердила Сена.

Писарь дочитал новую запись вслух. Рина ждала до последнего слова. Потом взяла карандаш и поставила короткую отметку об ознакомлении.

Сена начала складывать листы по порядку. На предпоследней странице остановилась.

— Не сходится.

— Что? — спросил Тав.

Она снова развернула выписку и положила рядом текущий замер дома.

Сена сложила значения один раз. Потом второй.

Писарь подвинул к ней журнал.

— Семейные участки заканчиваются здесь.

Сена указала на строку над итогом.

Ни кухни, ни лестницы, ни мастерской в ней не было. Только дата — ровно три года назад — и короткий код участка.

— Это не наш адрес, — сказал Орен.

— Я вижу.

Рина наклонилась над листом.

Расхождение в итоговой сумме точно совпадало с величиной этой строки.

— Кто живёт по этому коду? — спросила она.

Сена не ответила.